

Глава 1

Сколько себя помню, я всегда слышал голоса — то чётко разговаривающие на знакомых и незнакомых мне языках, неразборчиво нашёптывающие, порой истерично визгливые, а порой и вовсе немые, ощущаемые скорее как чужеродные мысли. Обращались ли они напрямую ко мне, комментировали происходящее или же я слышал бессвязный бред — мне они не отвечали. Да это, наверно, и к лучшему. В общем, не буду таить: я шизофреник. Не буйный, слава богу, и чётко понимающий свою проблему.

Но так было не всегда. Точнее не так — я таким был всегда. Диагноз мне поставили только к семи годам. Не то чтобы у нас были проблемы с определением шизофрении в раннем возрасте, но под давлением социума я достаточно быстро понял, что со мной что-то не так. Поэтому ничего удивительного в этом нет. В итоге меня вычислили, обследовали, назначили курс лечения и отпустили, наказав своевременно принимать

таблетки. Поэтому никто из моего окружения не знает о моём диагнозе. Ведь каким бы мелким я ни был, я сразу оценил преимущество нормального состояния. Не каждый это знает, но хорошо, когда в голове тихо, — без сарказма.

И прямо сейчас я, как самый адекватный парень, пусть и не самого адекватного возраста, прыгал на одной ноге по квартире, снятой для меня родителями, в поисках своих таблеток. Глупо? Может быть, даже спорить не буду. Но я ведь уже обулся. Да и обычно я оставляю таблетки в трюме. Но некая волнительность выпускного несколько выбила из колеи такого педантичного и аккуратного меня. Даже излишне педантичного и аккуратного, сказал бы мой психотерапевт, но я предпочитаю об этом особо не задумываться.

В любом случае, если я не хочу опаздывать, надо выходить прямо сейчас. К чёрту, за один день ничего страшного не случится. Хотя и звучит так, как будто я пытаюсь оправдаться перед собой же. Ладно, всё остальное? Ключи, бумажник, презерватив оптимиста, телефон, взъерошить волосы, оправить брюки, последний взгляд в зеркало — и мне сам чёрт не брат.

Поздоровавшись с кем попало — знакомых тут на толпу эта самая толпа и есть, — я протиснулся сквозь толпу любителей помять сигаретку на входе в школу, что, конечно же, запрещено, но сегодня как бы можно, и отправился в столо-

вую, где уже звучали первые тосты, поздравления и нравоучения. Найдя свой класс, я подсел на свободное место, хапнул бутерброд и чокнулся с соседями полупустым пластиковым стаканчиком. Ммм, шампанское, да ещё и несладкое — вот ведь гадость противная.

Последний день все вместе. Не то чтобы я был особо дружен с одноклассниками, но в целом наш класс можно назвать хорошим. Без этих издевательств и глупостей, о которых в последнее время всё чаще говорят по телевизору. Поэтому, закончив на ностальгической ноте и тепло попрощавшись с учителями и одноклассниками — кто-то даже пустил слезу, — мы собрались небольшой компанией желающих продолжить и отправились в парк.

— Нет, ребят, без закуски пить — себя не любить. По крайней мере, мне точно здоровья не хватит. — Я решительно отставил в сторону пустую пластиковую стопку и окинул взглядом компанию.

Четверо парней, считая меня, и три девушки напротив — мы сидели на сдвинутых друг напротив друга скамейках. Смотри на то, как морщились парни после выпитого, я с лёгкой завистью посмотрел на девчат, закусывающих последними корнишончиками.

— Ну ты даёшь, Лёня, это же не по-пацански. У нас ещё тары вон два бутылля, хотя бы ещё один осилить должны. И без тебя, значит, ну никак

нельзя. Чего компанию огорчаешь? — укорил меня Алексей.

Иначе как полным именем его не звали, потому что для разного рода сокращений он был слишком большим — и физически, и духовно. Два метра и двадцать сантиметров роста вкупе со ста двадцатью килограммами доброты и нежности, упакованные в стальные мускулы тренированного борца.

Порой я задавался вопросом: а человек ли он вообще? Сильный, добрый, красивый и умный — и это даже с точки зрения половозрелого мужчины здоровой ориентации, что уж говорить про девчонок. По нему сохла как минимум половина из нашей школы, а уж сколько из соседних — не сосчитать. И при всём при том он оставался нормальным свойским парнем.

— Так давайте ещё закусить возьмем, на углу как раз есть круглосуточный магазин, — подала голос Женя.

Милая, в общем-то, девушка, но уж больно много она пьет. По ней это, конечно, незаметно, но сдаётся мне, что только пока. Лично я вручил бы ей золотую медаль по поглощению спиртного. Впрочем, как я уже сказал, пока её это совсем не портит.

Кирилл и Света, наши тили-тили-тесто, активно закивали, а Антон грустно заключил:

— Нам с Настей уже выезжать пора, так что могу составить компанию в походе до магазина, а там вызову такси. — Согласна, сеструха?

Не отрываясь от телефона, Настя помахала брату ручкой:

— Сам поезжай. Я с Женькой завтра гулять хотела, так что останусь у неё. И не ждите меня с утра.

Обычно я не пью, всё-таки любые таблетки и выпивка сочетаются плохо, но если не злоупотреблять, то изредка расслабиться можно. Адекватность я не теряю, компания хорошая, а еле слышный потусторонний шум в ушах какое-то время можно просто игнорировать. Правда, я уже пропустил дневной и вечерний приём, и шум понемногу усиливается, впрочем, особо не мешая.

— Ладно. — Поднимаясь и успешно сохраняя равновесие, я обратился к Антону: — Пошли, провожу тебя и возьму что-нибудь.

Антон попрощался с оставшейся компанией, и мы, выйдя из парка, направились к магазину. Ещё светло — или уже? Белые ночи, беззаботные годы, свежий воздух и приятная компания. Это даже, наверное, романтично. Не в плане, что я к кому-то что-то испытываю (не довелось), просто настроение такое.

— Бывай, мужик, и присмотри там за ребятами, чтоб не разгонялись.

Кивнув, я пожал ему руку и отправился чуть дальше, к магазину.

Как же всё-таки хорошо. Немного постояв у входа, я зашёл в магазин и набрал в корзину

закусок. Очереди в час ночи не было, поэтому я свободно прошёл на кассу и оплатил покупку.

Пришлось немного ускориться: у перехода как раз мигнул зелёным светофор. Хотя всё равно дорога пустая. На дороге меня слегка повело, и я чуть не столкнулся с маленькой девочкой, идущей навстречу. Пробормотав извинения, я потопал дальше.

Кстати, а что делает ребёнок на улице поздно ночью? Потерялась, может?

Обернувшись, я, не задумываясь ни на мгновение, отпустил пакет и прыгнул обратно к замешкавшейся девчонке: на неё летел байк, и он не думал ни тормозить, ни сворачивать.

«Странная девочка», — лениво размышлял я, тихо растворяясь в пустоте.

Очнулся я внезапно и даже рефлекторно попытался отпрыгнуть в сторону от рвущего спидометр мотоцикла. Хотя какой мотоцикл? Мотоцикл — что это? Так, минуточку, а где я? Или даже... кто я? Ничего не помню. Меня сбили? Или должны сбить?

Странное чувство — как будто я что-то теряю или потерялся сам. Темно, и что-то будто давит на глаза. Но, попробовав их ощупать, я ничего не почувствовал. Вообще ничего: ни повязки, ни даже глаз. Такое ощущение, что я или промахнулся, или у меня попросту нет глаз. Ни глаз, ни головы, ни даже рук. Меня как будто нет. Тогда что есть? Что вообще происходит?

— Эй, — попробовал я позвать кого-нибудь.

«Тут невозможно разговаривать так, как ты привык. Если ты хочешь, чтобы тебя услышали, тебе следует просто думать чётче», — раздалась у меня в голове чужеродная мысль. Мысль. Хорошее слово, надо бы запомнить.

А подумать — это как? Чем дальше, тем странней.

Вспомнил! И вместе с этим воспоминанием в меня хлынули и другие: вот их не было, рассеянных вокруг, — и вот они вернулись обратно, вновь формируя мое «Я». И ничего в этом сложного нет.

Немного сосредоточившись, я как можно более чётко подумал: «Что со мной и кто ты? Где я?»

«Меня зовут ... — слышались не воспроизводимые человеческим языком шелест и щебетание. Я понял, что при желании смогу сейчас повторить эти звуки. — Я из тех, кого вы называете богами, духами и демонами, пусть ни одно из этих понятий и не отображает в полной мере нашу суть. Сейчас ты умираешь, отлетая от удара мотоцикла. Тут время не властно, и спасти тебя не в моей власти. Я для него слишком сильна, поэтому ничего, кроме эфемерного тонкого воздействия, позволить себе не могу.

«Что-то я немного запутался. Если я умираю, то почему я тут? Или все умирающие попадают к вам?» — спросил я.

«Нет, малыш, я не воплощение смерти, как ты подумал. — Я услышал весёлый перезвон колокольчиков. — Дело в том, что именно я виновата в твоей смерти. Та девочка, которую ты так храбро пытался спасти, — это мой осколок. Она незрима для простых людей, и ты не должен был её увидеть, как и сейчас не должен был услышать меня. Но ты всё же смог, и это меня очень заинтересовало».

«В этом есть что-то странное?» — удивился я. Девочка ведь была на вид самой настоящей — не плоской, не прозрачной. Девочка — она девочка и есть.

«На самом деле это меньшая из твоих странностей. Многие обладают теми или иными способностями. Большею проблемой мне видится твоя душа. Ведь, скажу по секрету, она абсолютно не держится за тело».

«Я до сих пор не понимаю», — мысленно покачал головой я.

«У всех живых существ душа крепится к телу особыми цепями. Это сложно объяснить вот так сразу, но я постараюсь попроще. Умирая, люди вновь становятся людьми, кролики рождаются новыми кроликами. Души ходят от тела к телу в пределах одного мира, порождают новые души, а иногда распадаются чистой энергией. Век душ не вечен, но гораздо больше жизни вашего тела. При этом они абсолютно привязаны к своему телу, виду и миру. Эта связь крепче любых цепей.

Но у тебя, единственного из всех, кого я видела, вижу и увижу потом, её нет. Ты можешь переродиться кем угодно и где угодно».

«Звучит так, как будто я избранный или калекка какой-то», — мысленно улыбнулся я.

«О, вовсе нет. Никакой избранности. Такая у тебя особенность. Правда, и никакой судьбы. Я всеведущая, я знаю всё, что было, есть и будет в течение ближайших тысячелетий со всем мирозданием, — это ведь можно назвать судьбой, не так ли? Но вот ты... Ты мне был неизвестен. Поэтому и никакой судьбы у тебя не было. Не то чтобы это было плохо. Если сказать метафорично, то ты стоишь над судьбой и творишь её сам, игнорируя неписанные правила. А может, где-то ещё есть люди, подобные тебе и выпавшие из моего поля зрения».

Немного помолчав, она продолжила: «Прости, у меня очень давно не было собеседников, поэтому я даже немного рада нашей беседе. На заре вашего мира я ещё могла обращаться к сильным духом людям, но последние тысячелетия это стало большой проблемой».

«Что меня ждёт дальше?» — спросил я.

«Как и всех, тебя ждёт перерождение, но в благодарность я прослежу за тем, чтобы ты не превратился в кролика. — Вновь послышался смеющийся перезвон колокольчиков. — Но тебе стоит поторопиться: каждое мгновение рядом со мной делает твою душу мощнее, ещё немного —

и ты просто не найдешь тело, которое будет способно тебя вместить. Боюсь, в этом мире их уже нет».

«А мои родители...» — хотел ещё спросить я, но меня прервали:

«С ними всё будет хорошо. Не знаю, будешь ли ты помнить обо всём в дальнейшем, но уже пора. Прощай».

Глава 2

Долгое пребывание на грани перерождений меня действительно изменило. Я сохранил память, и моя шизофрения, если это действительно была она, развилась в возможность не только слышать, видеть или ощущать потустороннее. Это чувство можно интерпретировать по-разному, например, как восприятие и взаимодействие любыми органами чувств. Если проще, то я могу призрака и потрогать, и понюхать, пусть это и звучит несколько ненормально.

Но всё меркнет перед главной фишкой — я могу с ними общаться. Правда, это больше походит на приказы, не каждый мне отвечает, не каждый выполняет. Казалось бы, ультимативная способность, вот только есть нюанс. Это не способность этого мира. Ведь местные суперсилы однозначно определяются местными же ар-

тефактами, часто наследуются и... Ну, обо всём по порядку.

Впервые открыв глаза, я не сразу понял, где нахожусь. Было темно, тихо, тепло и очень влажно. Я даже успел испугаться, пока не почувствовал спокойствие, тягучими волнами распространявшееся из живота, отчего глаза автоматически закрылись, и я уснул.

После нескольких кратковременных пробуждений я понял, где оказался. В животе, чёрт возьми! Хорошо ещё, что я практически постоянно спал, как и большую часть времени после рождения. Не самые лучшие воспоминания, да. Но всё проходит, прошло и это. Родителей, конечно, удивляло, что я был очень спокойным ребёнком...

Ах да, родители. Мама и папа. Я для себя однозначно решил, что именно в таком ключе стоит воспринимать мою новую семью, ведь если бы я не сохранил память, то так и было бы — естественным путем, так сказать. Вообще, раньше я рос без отца, так что никакого отчуждения по отношению к новому отцу не возникло. А мам может быть много, в прямом смысле. Ну, это больше к воспитанию относится, которое я впитывал как обезвоженный верблюд, дорвавшийся до оазиса.

Мне тут жить, и жить я планирую хорошо, ведь я родился в боярской семье Кошкиных. Да не где-нибудь, а в Российской империи, в куда как необычном мире. Тут до сих пор в приорите-